

УДК 347:17+347 (476)

**МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ
ДОБРОСОВЕСТНОСТИ, РАЗУМНОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ****Ю.Н. БЕСПАЛЫЙ***(Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск)*

Рассматривается морально-нравственный характер правовых принципов добросовестности, разумности и справедливости и обосновывается значение данной особенности изучаемых принципов для усовершенствования гражданских правоотношений.

Всестороннее изучение принципов справедливости, добросовестности и разумности невозможно без анализа их связи с аналогичными категориями нравственности. Правда, сделать это сложно, так как в научной литературе в основном рассматривается справедливость как философско-нравственная и одновременно морально-правовая категория. Категории добросовестности и разумности фактически не затрагиваются ни в произведениях философов и этиков античности, ни выдающихся ученых нового времени. То же самое можно сказать о работах, написанных на основе анализа трудов великих мыслителей. Вероятно причина в том, что добросовестность и разумность как более конкретные, практичные понятия, отражающие объективную сторону поведения человека, представляют значительную сложность для вычленения в качестве нравственных категорий.

Основы изучения категории разумности были заложены Аристотелем, дальнейшая разработка этого понятия была осуществлена немецким философом И. Кантом. Было введено такое понятие, как практический разум, основным содержанием которого являются принципы, обладающие достоинством самоочевидности. Согласно И. Канту, среди морально-нравственных законов, порождаемых практическим разумом, можно выделить «законы защиты человеческого достоинства, соблюдения договоров и уважения чужого права» [11, с. 126]. Как видим, и добросовестность, и разумность предполагают рациональное отношение к любой стороне человеческой деятельности. Соблюдая эти правила, индивид следует нравственным законам, проявляет моральную зрелость. Именно под таким углом зрения мы рассматриваем морально-нравственную специфику этих двух принципов цивилистики. Нам достаточно близка в этом вопросе позиция Е.Г. Комиссаровой, которая пишет: «...общесоциальные постулаты позволяют взглянуть на существо правоотношений не только через призму государственной воли, но и с точки зрения общечеловеческих позиций, а также нравственных ценностей. В законодательстве они выступают в качестве принципов... добросовестности и разумности... В теоретических же источниках – они морально-этические или нравственные принципы права» [12, с. 12].

В отечественной юридической науке также признается морально-нравственный характер принципов добросовестности и разумности и обосновывается необходимость использования цивилистикой общенаучных и общеправовых методов исследования данных принципов [6, с. 112].

В связи с тем, что морально-нравственные понятия справедливости, добросовестности и разумности закреплены в современном законодательстве как его основания, тем самым являются принципами права, поэтому нельзя не обратить внимание на взаимозависимость права и морали. Широко известно выражение Августина: «Мораль просит того, чего закон требует». Юридический и нравственный законы имеют один и тот же источник, корень обоих лежит в признании человеческой личности [12, с. 85], а право и нравственность имеют один корень – духовную природу человека и указывают ориентиры «в различных вариантах добропорядочного и законопослушного поведения» [8]. С точки зрения современной системы ценностей право должно отвечать требованиям морали; при этом общечеловеческие ценности, такие как добросовестность, справедливость, свобода, фиксируются и развиваются в нормативных положениях [3, с. 56]. Право и мораль регулируют разными методами единое социокультурное пространство, являясь важнейшими элементами человеческой культуры, всегда тесно взаимодействующими и играющими роль главнейших социальных регуляторов. Правовая жизнь общества не может развиваться вне моральных категорий. Соотношение морали и права согласно современным научным теориям проявляется как соотношение идеальных нравственных понятий, саморегулирующих отношение личности к окружающей действительности, и реального мира, через принцип формального равенства [8, с. 116].

Сложнейшей проблемой является проблема генезиса морально-нравственных критериев поведения человека. Ее изучением занимались философы во все периоды развития человеческого общества, выдвигались самые разнообразные гипотезы. В настоящее время характерной тенденцией становится

внедрение данных этнологии в юридическую науку. Представители всех научных школ за точку отсчета принимают доцивилизационную стадию развития. Исследования, проведенные этнологами и юристами, показывают, что возникающие в социуме противоречия вызывают «фиксацию сложившихся отношений различными нормативными установлениями» [2, с. 112]. Анализируя научные разработки, можно сделать вывод, что самые первые моральные нормы проявлялись в форме моральных табу. Один из современных философов, исследуя этот процесс, писал: «... для того чтобы общество прогрессировало, нужно еще, чтобы оно сохранялось... Каждое табу должно было быть запретом, в котором общество находило определенный интерес» [4, с. 130].

По мнению ученых, в этот первоначальный период человеческой истории «еще не было идеи справедливости, имелось лишь чистое чувство правильного, должного или неправильного, не должного» [13, с. 24]. Многими современными юристами принято понятие «мононорма», которое впервые введено А.И. Першицем на основе обобщения историко-юридического и этнологического опыта многих регионов мира [2, с. 111]. Под мононормами понимаются «нормы права и морали, связанные в древнем обществе воедино и регулирующие практически все отношения» [18, с. 217]. Поэтому проблема становления права и морали в процессе дифференциации первобытной мононорматики представляется сложнейшей, так как «определение конкретной технологии этого процесса фактически невозможно», что и подтверждают многочисленные исследования [2, с. 112–115]. Первобытный человек был не в состоянии существовать вне коллектива, и воля последнего становилась для индивида непреклонным правилом. Это приводило постепенно к формированию у него убеждения в справедливости коллективных требований. Можно согласиться с точкой зрения о том, что «понимание справедливости на данном этапе развития ограничивалось почти исключительно рамками рода или племени. Формирование государственных структур повлекло за собой распространение потребности в справедливости и понятия о ней» [13, с. 28].

По мере развития общества нормы и ценности традиционной морали постепенно трансформировались в обычай, который признавался равным закону вплоть до XIV века, и на первое место выдвигалась рациональная мораль. Нормы, ориентированные на жизненный и деловой успех, стали активно проявляться в XIV веке с распространением протестантских идей, и в последующие столетия. И вместе с тем «нельзя отрицать, – пишет известный цивилист XIX века Е.В. Васильевский, – что среди мотивов, руководящих законодателем, можно видеть религиозные верования, этические принципы, философские идеи, существующие обычаи и нравы» [5, с. 81].

Если признать «рефлексию» по поводу справедливости как этического основания общественной коммуникации в качестве характерного признака европейской культуры [9, с. 460], то совсем понятным покажется существование огромного количества работ по этой проблеме. Начало изучению справедливости и ее проявлению было положено в античные времена. Наиболее существенный вклад в этот процесс внес Аристотель, который предложил разграничить употребление понятия справедливости в широком и узком значении или, по-современному, на общую и частную (специальную) справедливость. Современные исследователи придерживаются мнения, что от поиска оптимального соотношения между ними «зависит устойчивость общества» [1, с. 10]. Для предмета нашего анализа имеет значение специальная или частная справедливость, которая есть «нравственно санкционированная соразмерность в распределении благ и зол (преимуществ и недостатков, выгод и потерь) совместной жизни людей в рамках единого социального, государственно-организованного пространства... [9, с. 458]. Данное определение справедливости показывает ее значение для установления юридических норм, регулирующих «степень взаимного уравнивания конфликтующих интересов в обществе и государстве» [10, с. 623]. Таким образом, морально-нравственное понятие справедливости соотносится с правом, в некоторой мере совпадает с ним, и по этой причине выступает в качестве морально-правового понятия.

Связующую роль между идеями античности и эпохи Просвещения сыграла правовая мысль Средневековья, развивающая дальше теорию взаимодействия морали и права. Доказательством этого служат разработки Фомы Аквинского, знаменитого теолога XIII века, о естественно-правовой справедливости. По мнению исследователей, «теологическая теория одна из первых связала право с добром и справедливостью» [21, с. 49].

Существенные достижения в изучении морально-правовых категорий принадлежат ученым эпохи Просвещения, идеи которой сформировались не в виде теоретической системы, а скорее в форме идеологического движения. В каждой стране «они имели специфический характер, но с общей основой – верой в человеческий разум, призванный обеспечить прогресс человечества» [20, с. 456].

Одним из важнейших направлений деятельности просветительского разума в эту эпоху являлась пропаганда и защита неотъемлемых естественных прав человека и гражданина, что свидетельствовало о поддержке большинством просветителей идеи естественного права, так как «на этой основе зарождается

справедливость» [20, с. 316]. Она послужила ориентиром при разработке теории прав человека и гражданина, которая на практике была воплощена в американской (1776) и французской (1789) декларациях; а также в гражданских кодексах: французском (1804), австрийском (1811), немецком (1896). Если в декларациях провозглашалось равенство в правах, то в кодексах «требуемое единообразие гражданских законов влекло за собой отмену всех видов юридического неравноправия...» [20, с. 465].

Наиболее характерную просветительскую точку зрения относительно справедливости и правосудия выразил Ш. Монтескье. «Справедливость – действительно существующее между двумя вещами соотношение, которое всегда одинаково, невзирая на то, кто его рассматривает: Бог, ангел или, наконец, человек» [20, с. 531]. Правосудие он рассматривает не как действие принудительных законов государства, а как проявление такой моральной категории, как добродетель, которая является естественным свойством человека.

Трактовка категории справедливости в марксистско-ленинской философии и юриспруденции имела социально-классовую интерпретацию. Решающее значение на ее разработку оказали взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса. Они рассматривали справедливость как «укутанное в идеологическую высокопарную оболочку выражение существующих экономических отношений» [4, с. 273]. В этом ключе и развивалось исследование справедливости советскими учеными-юристами, которые связывали ее с проблемой правосознания, правовых принципов, ответственности и законности и определяли принцип справедливости разнообразно: и как принцип права, и как принцип юридической ответственности, и как нравственный идеал.

В соответствии с этим своеобразно трактовались многие явления. Например, причинами возникающих между законностью и справедливостью противоречий признавались «опережающий характер нравственного развития в условиях социализма, предъявление нравственностью более высоких требований к поведению человека по сравнению с правом, ошибки правоприменения при определении нравственной и правовой природы рассмотрения дел и т.д.» [7, с. 45]. В советской юридической науке уделялось немалое внимание поискам соотношения нравственных и правовых начал. В современной же юридической науке сложилось множество подходов к пониманию справедливости, но среди них выделяется определение ее как характеристики права, как моральной категории и как понятия, выполняющего функцию оценки правовых предписаний [19, с. 243 – 244].

Проблема справедливости в праве и морали – одна из важнейших проблем теории и практики. Несмотря на ее изучение, на протяжении многих столетий, по мнению отдельных ученых, она «нуждается в дальнейшей теоретической разработке» [19, с. 242]. При осуществлении гражданско-правовых отношений апелляция к справедливости неизменно присутствует. В качестве подтверждения сказанного обратимся к результатам одного из социологических исследований, которое показало, что «граждане обычно знакомы и хорошо усваивают общие требования права, вошедшие в правовое сознание как социальные ценности, частные же его предписания далеко не всегда им известны» [13, с. 72 – 73].

Исследование структур права и морали позволило выделить в правовой системе правовые отношения, правовое сознание, правовые нормы; в моральной – нравственные отношения, моральное сознание и нравственные нормы. Элементы этих систем действуют в едином социокультурном поле, характеризуя и регулируя его с различных сторон соответственно моральным и правовым нормам. Необходимо согласиться с точкой зрения, что проблема соотношения правовых и моральных оценок имеет общее основание не только в категории справедливости, но «и одна, и вторая фиксируют сущее и на этой основе формулируют должное» [13, с. 81].

В то же время нельзя не заметить, что оценка социальных явлений идет с разных позиций, критериями ее выступают разные категории. Безусловно, моральные оценки универсальнее, они оперируют такими критериями, как добро и зло, совесть, честность и др. Моральным оценкам, позитивным или негативным, подвержено и право, потому что «не существует социальных связей, которые не подлежали бы моральному регулированию» [13, с. 85].

Оппоненты этой точки зрения указывают на существование определенных юридических процедур, например, порядок осмотра места происшествия, ведения судебного дела, которые не подлежат воздействию со стороны морали. На это можно возразить, что указанные действия, по крайней мере, требуют добросовестного и разумного отношения.

Изучение основных условий соблюдения морально-правовых принципов в процессе гражданско-правовых отношений – одна из сложных проблем, которая решается в каждодневной судебной практике, использующей предыдущий опыт примирения закона и справедливости. Интересную мысль в этом направлении высказал Т. Гоббс в 11-м законе, который предписывает «тем, кому доверена обязанность судить (разбирать тяжбы) двух людей, вести себя справедливо по отношению к обоим» [20, с. 317].

Е.В. Васьковский, на наш взгляд, предложил достаточно разработанную теорию усовершенствования нормотворчества и правоприменения. Ее суть в том, что из двух одинаково возможных смыслов нормы следует отдавать предпочтение тому, при котором норма представляется более справедливой; из двух одинаково возможных и справедливых смыслов нормы нужно избирать тот, который более целесообразен, из двух одинаково справедливых и целесообразных смыслов нормы нужно избирать тот, при котором она является наиболее милостивым, т.е. справедливость и целесообразность не должны быть нарушены [5, с. 191 – 193].

Исследуя превращение морально-нравственных категорий в морально-правовые, а при последующем их закреплении в нормах права – в его принципы, мы стремились найти адекватное нашей точке зрения теоретическое обоснование данного положения. Из существующих в настоящее время в юридической науке теоретических направлений наиболее активно разрабатывается морально-правовой компонент принципов справедливости, добросовестности и разумности представителями естественно-правовой школы, и традиционной, и современной. Естественное право понимается ими «как уже по своей природе нравственное явление» [16, с. 48], ценностными категориями которого являются справедливость, разумность, равенство и др. Естественно-правовой подход позволил многим поколениям исследователей разрабатывать проблему справедливости, равенства, прав человека и т.д. В рамках этой школы сформировалось морально-нравственное учение о праве, которое трактует право как «нравственный минимум», выражение нравственной справедливости [15, с. 696].

Нельзя не отметить, что несколько иная, но достаточно убедительная точка зрения относительно понятия справедливости, высказывается известным представителем либертарно-юридического направления В.С. Нерсеянцем.

Основанием теоретических разработок по проблеме нравственно-правового характера справедливости является положение Аристотеля о том, что «справедливое по отношению к другому есть, собственно говоря, равенство» [20, с. 623].

Однако исследователи этой проблемы подчеркивают, что в морали и в праве справедливость в большинстве случаев отождествляется с равенством, но понимание его в них существенно различается. В правовом аспекте справедливость выступает как формальное равенство, потому что индивиды и их поступки оцениваются посредством законов, правил, норм, и тем самым они уравниваются в качестве субъектов права «как если бы у них не было других свойств, интересов, потребностей, целей, кроме как выполнять нормы права» [9, с. 458].

Таким образом, мы встречаемся с понятием формального равенства, философско-правовой категорией, анализ которой непосредственно связан со сложившимися к настоящему времени типами правопонимания: легистским и юридическим. В последнем в свою очередь выделяются естественно-правовые и либертарно-юридические подходы. Для сторонников первого естественно право человека есть единственное право, которое коренится в объективной природе и воплощает собой начала разумности, нравственности, справедливости. С либертарной точки зрения недостатком такой позиции является смешение права с неправовыми явлениями – моралью, нравственностью, религией, трактовкой равенства, свободы и справедливости не как специфических формально-правовых понятий, свойств и характеристик, а как фактически содержательных моральных феноменов или смешанных морально-правовых, нравственно-правовых и т.д. явлений [16, с. 29 – 30]. Понятие естественно-правовой справедливости наполняется фактическим, материальным содержанием, что не позволяет ей претендовать на нравственную или нравственно-правовую всеобщность и абсолютную ценность, а отражать только относительную ценность и релятивистские представления о нравственности вообще и нравственных ценностях права в частности [16, с. 47].

Либертарно-юридический подход рассматривает право как форму отношений равенства, свободы и справедливости, определяемую принципом формального равенства. По этой причине такой подход еще называют формально-юридическим, тем более что для него существенное значение имеет различие формального и фактического, так как «только формальное может быть всеобщим, обладать свойством всеобщности, а всякое фактическое – это ... нечто частное» [17, с. 307].

Таким образом, правовая мысль на протяжении столетий анализировала соотношение морали и права, нравственную специфику добросовестности, разумности и справедливости, их закрепление в праве и влияние на развитие правовых отношений в гражданском обществе. И хотя у подавляющего большинства ученых не возникает сомнений в морально-нравственной специфике данной группы гражданско-правовых принципов, научные изыскания в этом направлении продолжаются.

Свидетельством того, что морально-этическое и морально-правовое содержание справедливости, разумности и добросовестности раскрыто не до конца (несмотря на необозримое количество научной литературы), являются научные дискуссии, которые идут между сторонниками ведущих современных философов С. Ролза и Р. Нозика.

Как и прежде, главным содержанием теоретических и практических поисков является понимание необходимости отношения человека к другим людям как к высшей ценности. Все шире распространяется понимание того, что без обращения к морально-нравственным категориям достижение данной цели во всех областях социальной жизни, в том числе и в праве, невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамовіч А.М. Катэгорыя справядлівасці ў беларускім заканадаўстве // Теоретические проблемы формирования и функционирования гражданского общества и правового государства / Под общ. ред. А.М. Абрамовича. – Мн., 1995. – С. 10 – 13
2. Аксенов И.А., Свечникова Л.Г. Теория обычного права в этнологических, теоретико-правовых и историко-правовых исследованиях // Право и политика. – 2002. – № 12. – С. 105 – 115.
3. Алексеев С.С. Философия права. – М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1999. – 329 с.
4. Бергсон А. Два источника морали и религии. – М.: Канон, 1994. – 137 с.
5. Васильковский Е.В. Цивилистическая методология. – Одесса: Экономич. типография, 1901. – 398 с.
6. Витушко В.А. Комплексно-индивидуальный метод в гражданском праве и в правоприменительной практике // Вестн. Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь. – 1999. – № 1 – 3. – С. 111 – 129.
7. Вопленко Н.Н. Социальная справедливость и формы ее выражения в праве // Советское государство и право. – 1979. – № 10. – С. 39 – 40.
8. Графский В.Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 114 – 119.
9. Гусейнов А.А. Справедливость // Этика: Энциклопед. словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. – С. 457 – 460.
10. Гусейнов А.А. Справедливость // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М.: Мысль, 2001. – Т. 3. – С. 622 – 624.
11. Кант И. Соч.: в 6 т. / Акад. наук СССР. Ин-т философии. – М.: Мысль, 1965. – Т. 4. Ч. 2. – 47 с.
12. Комиссарова Е.Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2002. – 46 с.
13. Лукашева Е.А. Право, мораль, личность. – М.: Наука, 1986. – 216 с.
14. Маркс К., Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: – изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1961. – С. 203 – 284.
15. Нерсесянц В.С. Право // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М.: Мысль, 2001. – Т. 3. – С. 696.
16. Общая теория права и государства: Учебник для вузов. – М.: НОРМА, 2002. – 552 с.
17. Остроумов Г.С. Правовое осознание действительности. – М., 1969. – 224 с.
18. Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии. Исследования по общей этнографии. – М.: Наука, 1979. – 290 с.
19. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Теория государства и права на рубеже веков: проблемы и перспективы // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 240 – 247.
20. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: В 4 т. – СПб.: Петрополис, 1996. – Т. 3. – 736 с.
21. Теория государства и права: Учеб. для юрид. вузов и фак-тов / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Первалова. – М.: ИНФРА-М-НОРМА. – 1997. – 570 с.